

Графа

“Не установлено”

Автор:

L=rina Lily

Rina Lily

Графа "Не установлено"

«Автор»

2026

Lily R.

Графа "Не установлено" / R. Lily — «Автор», 2026

«Графа "Не установлено"» — мрачный детектив о том, как система подменяет справедливость порядком. Следователь Игорь идёт по следу убийцы, но с каждым шагом всё яснее видит: ему не дают найти правду. Система охотно верит в удобную версию — и сажает невиновного, чтобы закрыть дело и успокоить общество. Игорь сталкивается с глухой стеной регламентов: его улики называют «мелочами», его сомнения — паранойей. Но одна крошечная деталь — нестандартный шов на куртке преступника — становится для него точкой опоры. Уставший, но не сломленный, он стоит на мосту над городом, где огни притворяются звёздами, и тихо обещает: «Я тебя увижу». Это не финал, а начало настоящей охоты — когда идти приходится в одиночку, против всех правил. Книга держит в напряжении до последней строки и оставляет ощущение: самое опасное ещё впереди.

© Lily R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пропавший пропуск	5
Глава 2. Пустырь и записка	7
Глава 3. Личность жертвы	9
Глава 4. Инженер по камерам	11
Глава 5. Личные намёки	13
Глава 6. Муж жертвы	15
Глава 7. Давление начальства	17
Глава 8. Свидетель с железной дороги	19
Глава 9. Архив мелких инцидентов	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Rina Lily

Графа "Не установлено"

Глава 1. Пропавший пропуск

Утро липко цеплялось к коже, будто город не хотел отпускать ночь. Сырость оседала на куртке Игоря тяжёлыми каплями, а воздух пах мокрым бетоном, ржавым железом и чем-то старым — будто город выдохнул усталость и теперь стоял, ссутулившись, в ожидании нового дня, который ему совсем не был нужен.

Игорь торопился, но не бежал — он давно отучился бежать по этим улицам. Здесь спешка выглядела нелепо, как попытка обогнать бетонную стену. Он свернул к проходной, привычно сунул руку в карман за пропуском и на секунду замер: пальцы нащупали пустоту. Потом вспомнил — он же положил его во внутренний карман, чтобы не промок. Достал, поднёс к считывателю.

Красный огонёк.

Тихое, почти вежливое «пик» — и отказ.

Игорь поднёс снова. И снова — красный.

Охранник, которого он знал по лицу уже лет пять, поднял на него равнодушные глаза. На его лице не было ни удивления, ни сочувствия — только лёгкая скука человека, который видел всё.

— Ночью деактивировали, — спокойно сказал он, будто речь шла о погоде. — Система сама.

— Сама? — переспросил Игорь, и собственный голос прозвучал чуть резче, чем хотелось.

Охранник пожал плечами. Движение было не грубым, не злым — просто пустым.

— Ну, система. Автоматика. Бывает.

Игорю вдруг стало холодно — не от сырости, не от ветра, а изнутри, как будто кто-то выключил в нём что-то тёплое. Пропуск не просто не сработал. Его *выключили*. И сделали это ночью, когда он спал, ничего не зная, ничего не чувствуя.

Он сжал кулаки, но не от злости — от этого внезапного, колючего холода. Будто его вычеркнули. Не уволили, не отстранили, не предупредили — просто стёрли из списка тех, кому можно входить.

В этот момент в кармане тихо завибрировал телефон. Игорь достал его, не глядя на экран.

— Игорь, — голос на том конце был сухим, без интонаций, как у автомата. — Пустырь у путей. Женщина. Срочно.

Слова ударили, как пощёчина. Пустырь. Пути. Женщина. И это «срочно» — не как просьба, а как приказ, который нельзя обсуждать.

Игорь поднял глаза на охранника, будто хотел найти в его взгляде хоть намёк на понимание, на сочувствие, на то, что всё это — какая-то нелепая ошибка. Но охранник уже смотрел мимо него — на следующего человека в очереди, который спокойно приложил свой пропуск, и зелёный огонёк мягко мигнул, разрешая проход.

«Разрешая», — подумал Игорь. И впервые понял: город не просто не пускает — он уже что-то решил за него.

— Ладно, — сказал он, хотя никто не ждал ответа. — Разберусь.

Он отошёл от турникета, чувствуя, как бетон под ногами будто стал чуть менее надёжным. Как будто он теперь ходил по краю чего-то, что могло в любой момент осыпаться.

Телефон снова тихо пискнул — напоминание о вызове. Игорь сунул его в карман, не читая. Он уже знал, куда идти. Знал, что пустырь у путей — это не место, где находят ответы.

Это место, где задают вопросы, на которые никто не хочет отвечать. И пока он шёл вдоль забора, мимо серых стен и ржавых труб, город смотрел на него тысячами пустых окон — не враждебно, не зло, а просто равнодушно. Как на человека, который вдруг стал лишним в собственном расписании.

Глава 2. Пустырь и записка

Пустырь у путей был не просто пустым местом — он был местом, которое город старательно не замечал. Как будто кто-то провёл по карте жирной линией: «сюда не смотри». Ветер гонял по земле обрывки бумаги, пустые пластиковые бутылки, ржавые окурки — мусор, который никто не собирался убирать, потому что убирать здесь было некому и незачем.

Игорь шёл по узкой тропе между бетонными плитами, чувствуя, как подошвы скользят по сырому щебню. Он уже знал, что увидит, ещё до того, как завернул за ржавый контейнер. Знал по тому, как напряглись плечи у оперативников, по тому, как один из них машинально отступил в сторону, будто хотел заслонить картину, хотя скрывать её было поздно.

Тело лежало так, будто его аккуратно положили, чтобы оно не мешало. Не бросили, не уронили — именно положили. Руки сложены вдоль тела, голова чуть повёрнута, будто женщина просто уснула посреди чужого равнодушия. Марина. Та самая Марина из отдела логистики, про которую коллеги говорили «нормальная», «спокойная», «не лезла». Теперь она лежала здесь, и её спокойствие стало чем-то страшным — окончательным.

Рядом, на куске картона, неровными буквами было выведено: «Ты не видел».

Игорь замер. Не от ужаса — от того, как точно эта фраза попала в самую середину его груди, туда, где ещё с утра, у турникета, начал расти холодный узел. Это было адресовано ему. Не «никто не видел», не «никто не заметил» — «ты не видел». Как будто убийца стоял рядом и смотрел, как Игорь проходит мимо, не замечая ни пустыря, ни женщины, ни самой возможности, что что-то здесь может быть не так.

Он наклонился, стараясь не задеть ничего лишнего, и прочитал ещё раз. Буквы были выведены толстым чёрным маркером — небрежно, но чётко, так, чтобы не ошибиться. И в этой небрежности чувствовалась уверенность: тот, кто это написал, знал, что его прочитают.

Ветер снова швырнул в лицо обрывок бумаги. Игорь машинально поймал его, сжал в кулаке, а потом разжал пальцы и присмотрелся. На клочке — те же буквы, тот же маркер. Часть фразы, которую ветер унёс раньше. «...не видел». Он медленно опустил руку, чувствуя, как по спине ползёт ледяная дорожка. Кто-то не просто оставил записку — кто-то репетировал её, рвал, выбрасывал, проверял, как она будет выглядеть, когда её найдёт именно он.

— Игорь, — голос инженера прозвучал рядом, спокойный, почти будничный, будто они обсуждали график дежурств. — Тут вот что интересно. Камеры на этом секторе отключались ровно на 17 минут. Не больше, не меньше. В 06:42 питание пропало, в 07:00 вернулось. И заявка на техобслуживание появилась только в 06:58. То есть сначала выключили, потом оформили.

Игорь поднял глаза. Инженер смотрел на него без сочувствия — просто как человек, который привык раскладывать хаос на понятные цифры.

— То есть кто-то знал, где город не смотрит, — тихо произнёс Игорь.

Инженер кивнул.

— И не просто знал, — добавил он. — Кто-то заранее всё просчитал. До секунды.

Семнадцать минут. Ровно столько, чтобы положить тело, написать записку, отойти и раствориться в утреннем шуме города, который каждый день глотал тысячи мелочей, не оставляя им шанса быть замеченными.

Игорь снова посмотрел на записку. «Ты не видел». Теперь он понимал: это не просто слова. Это признание. Убийца не прятался — он улыбался. Смотрел, как Игорь ходит по городу, уверенный в своей правоте, в своей способности видеть всё, и тихо смеялся над этой уверенностью.

Один из оперативников подошёл ближе, наклонился к телу, что-то отметил в блокноте. Игорь хотел спросить, есть ли ещё следы, есть ли что-то, что не вписывается в эту аккурат-

ную, выверенную картину, но слова застряли в горле. Потому что вписывалось всё. Слишком хорошо вписывалось.

Он сделал шаг назад, чувствуя, как бетон под ногами становится зыбким, как будто сам пустырь был частью ловушки — той самой «слепой зоны», где город не смотрел, а кто-то другой смотрел очень внимательно.

Телефон тихо пискнул — новое сообщение. Игорь не стал доставать его. Он знал: там будет приказ, срок, напоминание о том, что дело нужно закрыть быстро, чётко, без лишних вопросов. Но сейчас ему хотелось только одного — чтобы кто-нибудь спросил: «А ты правда ничего не видел?» Потому что теперь он понимал: он не видел. И именно это было самым страшным.

Глава 3. Личность жертвы

Кабинет для осмотра личных вещей был тесным и пах старой бумагой и антисептиком — будто здесь специально пытались вытравить любые следы жизни, оставив только стерильную процедуру. Игорь сел за стол, положил перед собой телефон Марины и на секунду задержал пальцы над экраном, словно прикосновение к чужому устройству могло обжечь.

Он не любил эту часть работы — разбирать чужую жизнь по чатам, фото и заметкам. Для него это всегда было похоже на вторжение в комнату, где человек не ждал гостей. Но сейчас он не мог позволить себе деликатность. Семнадцать минут. Записка. Чёткий расчёт. Это дело не терпело сантиментов.

Коллеги Марины, которых успели опросить до него, говорили одно и то же: «нормальная», «спокойная», «не лезла». В этих словах не было ни тепла, ни холода — просто ровные, выцветшие определения, которыми люди описывают тех, кто не доставлял неудобств. И именно от этого Игорю становилось особенно горько: Марина была из тех, кто старался не мешать, держаться в стороне, делать свою работу тихо — и, возможно, именно поэтому её смерть казалась такой несправедливой.

Он разблокировал телефон — пароль не понадобился: устройство было настроено на быстрый доступ для экстренных случаев. Открыл сообщения. Сначала шли обычные переписки: напоминания, бытовые мелочи, пара чатов с подругами, где обсуждали сериалы и цены на продукты. Всё это было таким... нормальным. Слишком нормальным для человека, чьё тело только что лежало на пустыре.

А потом он нашёл тот самый диалог.

Неизвестный номер. Короткие, настойчивые сообщения, будто собеседник боялся, что Марина передумает отвечать.

«Скажи, когда охрана делает обход у северного крыла?» «Точно? Не приблизительно, а по минутам». «А если график сдвинется? Кто принимает решение?» «Не говори никому, что я спрашивал. Это для проверки системы».

Игорь читал и чувствовал, как внутри нарастает тугой, горячий комок — смесь злости и страха. Это не была бытовая драма, не ревность, не ссора. Это был расчёт. Кто-то заранее собирал данные, чтобы знать, когда город будет слеп. И Марина, сама того не понимая, дала ему эти минуты.

Он пролистал дальше, пытаясь найти хоть намёк на то, кто мог стоять за этим номером. Но переписка обрывалась. Никаких имён, никаких намёков — только сухие вопросы и осторожные ответы.

И тут, в самом низу галереи, он увидел фото.

Мальчик лет шести, смеётся, прижимает к груди игрушечного робота. Ветер взъерошил ему волосы, глаза сияют — на этом снимке не было ничего, кроме счастья. Игорь замер. Пальцы сами собой сжались, будто хотели удержать этот момент, не дать ему рассыпаться.

У него самого был сын. Почти того же возраста. И в этот миг Игорь вдруг увидел не просто жертву, не папку с делом, не строчки в отчёте — он увидел мать, у которой кто-то украл возможность увидеть, как её мальчик станет старше.

— Прости, — тихо прошептал он, глядя на экран, будто Марина могла его услышать. — Прости, что я копаюсь в твоём телефоне. Но я должен.

Он сделал скриншот диалога, сохранил номер, закрыл галерею, но не смог сразу убрать фото. Ещё несколько секунд смотрел на этот смех, на эти глаза, и злость внутри становилась тяжелее, плотнее — уже не просто эмоцией, а чем-то вроде обязательства. Он не имел права ошибиться. Не в этот раз.

В дверь постучали, и Игорь вздрогнул — будто его поймали за чем-то личным. Вошёл лейтенант с папкой в руках.

— Нашли журнал смен охраны, — сказал он. — Там действительно есть сдвиг в графике. На три минуты. В тот самый день.

Игорь кивнул, но почти не слушал. Он уже складывал детали в единую картину: кто-то знал про сдвиг. Кто-то специально спрашивал про обход. Кто-то использовал эти три минуты, чтобы превратить «слепую зону» в идеальное место для убийства.

— Ещё что-то? — спросил лейтенант.

— Да, — ответил Игорь, поднимая глаза. — Найди мне всё, что есть по этому номеру. И узнай, кто в тот день отвечал за корректировки графика. Мне нужны имена.

Лейтенант кивнул и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. В комнате снова стало тихо — но тишина теперь была другой. Она больше не была пустой. Она была наполнена чужим горем, чужими надеждами, чужими планами, которые кто-то безжалостно разорвал.

Игорь ещё раз взглянул на фото мальчика. Потом аккуратно заблокировал телефон, положил его в прозрачный пакет и подписал. И пообещал себе, что этот ребёнок хотя бы однажды улыбнётся снова — пусть не из-за него, но без страха, без оглядки на тех, кто умеет прятаться в слепых зонах.

Потому что теперь это было не просто дело. Это была война с кем-то, кто умел быть невидимым. И Игорь больше не хотел быть слепым.

Глава 4. Инженер по камерам

Комната видеонаблюдения пахла пылью, перегретым пластиком и слабым запахом кофе — будто здесь годами жили, не выходя наружу. Ряды мониторов мерцали, как тусклые окна в чужие миры, но ни одно из этих окон не показывало того, что нужно Игорю. На экранах мелькали коридоры, входы, пустые дворы — всё выглядело обычным, безопасным, под контролем. И от этого становилось только страшнее.

Инженер сидел перед панелью, привычно щёлкал мышью, переключал потоки. Он был из тех людей, кто знает систему изнутри, но не чувствует её — для него это был просто механизм, который надо чинить и настраивать. Он говорил буднично, почти скучающе, будто рассказывал расписание автобусов.

— Вот тут, — он ткнул пальцем в один из экранов, где пустырь у путей выглядел серым и плоским, как старая фотография. — Тут у нас окно. Слепая зона. Камеры не видят этот угол из-за контейнера и угла стены. Это не ошибка, это проектное решение.

Игорь сглотнул, пытаясь удержать внутри ту самую тяжесть, которая уже начинала давить на грудь.

— То есть кто-то знал, что там не видно? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Инженер пожал плечами, не отрываясь от экрана.

— Да все знают. Это не секрет. В каждом районе есть такие места. Где-то из-за стройки, где-то из-за рельефа, где-то просто потому, что камеру ставить некуда. Мы их называем «окнами». Они есть, они учтены, с ними живут.

«С ними живут», — повторил про себя Игорь. Как будто слепые зоны были такой же частью города, как остановки или светофоры. Как будто все привыкли, что есть места, где город не смотрит.

— А отключение питания? — спросил Игорь. — 17 минут. Это тоже «учтено»?

Инженер наконец поднял глаза — не с сочувствием, а с лёгкой усталостью человека, который слишком часто объясняет очевидное.

— Отключение — это уже другое. Это не проект, это сбой. Или техобслуживание. В журнале заявка появилась в 06:58, а питание пропало в 06:42. Кто-то сначала выключил, потом оформил. Так бывает.

Игорю вдруг стало холодно. Не от кондиционера, не от сквозняка — от понимания, что он столько лет ходил по этому городу, считал, что видит его, а на самом деле видел только то, что город позволял видеть. А там, за углами, за контейнерами, за «проектными решениями», всё это время существовали целые куски реальности, о которых он не знал.

Он посмотрел на экраны — на эти ровные потоки картинки, на аккуратные таймкоды, на зелёные индикаторы «онлайн». И впервые они показались ему не защитой, а декорацией. Красивой, удобной, успокаивающей ширмой, за которой пряталось то, что никто не должен был видеть.

— Получается, — тихо сказал Игорь, — кто-то не просто воспользовался слепой зоной. Он знал про неё. Знал про отключение. Знал, когда город будет слеп.

Инженер кивнул, снова уткнулся в панель, провёл курсором по графику.

— Кто-то знает, где город не смотрит, — повторил он почти шёпотом, будто сам только сейчас осознал, как это звучит. — И пользуется этим.

Фраза повисла в воздухе, простая и страшная. Игорь почувствовал, как внутри всё переворачивается. Если город слеп, то кто тогда видит? Кто стоит в темноте и спокойно наблюдает, как остальные ходят по его расставленным линиям?

— Есть ещё такие окна? — спросил Игорь, уже зная, что ответ ему не понравится.

Инженер снова пожал плечами.

— По всему городу. Десятки. Может, сотни. Где-то больше, где-то меньше. Это не тайна. Просто никому не приходит в голову считать их опасными. Пока не случается что-то вроде этого.

Игорь отошёл от панели, чувствуя, как пол под ногами будто теряет твёрдость. Ему хотелось выйти на улицу, вдохнуть сырой воздух, убедиться, что мир всё ещё настоящий. Но он знал: даже на улице он не увидит того, что спрятано в этих «окнах».

Он остановился у двери, обернулся.

— Если эти зоны известны, — сказал он, — почему их не закрывают? Почему не ставят дополнительные камеры?

Инженер посмотрел на него так, будто вопрос был из другой реальности — наивный, детский, не вписывающийся в привычный порядок вещей.

— Потому что это дорого. Потому что сложно. Потому что считается, что и так достаточно. Город не обязан видеть всё. Он обязан видеть главное.

«А кто решает, что главное?» — подумал Игорь, но вслух не сказал. Он уже знал ответ: тот, кто умеет прятаться в слепых зонах, сам решает, что важно, а что можно не замечать.

Выйдя в коридор, Игорь остановился, прислонился спиной к стене. Ему казалось, что город теперь смотрит на него иначе — не как на своего, не как на того, кто должен всё контролировать, а как на человека, который наконец понял, насколько он мало знает.

В кармане тихо завибрировал телефон. Игорь достал его, не глядя на экран. Там было очередное напоминание о сроке, о необходимости «показать прогресс», о том, что начальство ждёт результатов. Но сейчас эти слова казались ему такими же пустыми, как те «окна» на мониторах — местами, где правды не было.

Он медленно убрал телефон, глубоко вдохнул и снова посмотрел вперёд, туда, где коридор уходил в полумрак. Теперь он понимал: чтобы найти убийцу, ему придётся научиться видеть там, где город специально ничего не показывает.

Глава 5. Личные намёки

Квартира встретила Игоря тишиной, которая звучала громче любого крика. Он закрыл дверь, прислонился к ней спиной и на секунду замер, будто надеялся, что стены сами скажут ему: «Ты дома. Здесь безопасно». Но тишина не утешала — она была слишком плотной, слишком внимательной, словно в ней пряталось чьё-то чужое дыхание.

Он сбросил куртку, машинально повесил её на крючок — тот самый, на котором всегда висела куртка, потому что так было удобно, привычно, правильно. Потом прошёл на кухню, налил стакан воды, сделал глоток. Вода была тёплой, безвкусной, как будто даже водопровод забыл, каким должен быть нормальный день.

И только потом он пошёл в комнату — туда, где на старой деревянной полке, чуть в стороне от книг и фотографий, стоял маленький беспорядок его памяти: пара билетов с концертов, которые он так и не посетил, старая зажигалка, которую он хранил «на всякий случай», и место, где раньше лежал брелок.

Тот самый брелок — с крошечным компасом, который давно не работал, но Игорь всё равно его любил. Он потерял его почти год назад — помнил тот вечер: спешка, ключи, брелок соскользнул с кольца, а он так и не нашёл его ни в сумке, ни в машине, ни у подъезда. Тогда он подумал: «Ну, бывает. Ещё один кусочек жизни, который просто ушёл».

А теперь он лежал здесь. На полке. Не на самом видном месте, не в центре, а чуть сбоку, в тени, там, где Игорь обычно не смотрел — будто его специально положили так, чтобы находка не была слишком очевидной, но и не осталась незамеченной.

Игорь замер. Пальцы сами собой сжались в кулаки, а потом разжались, будто он пытался сбросить с них что-то липкое, неприятное. Он протянул руку и взял брелок. Металл был холодным, но не от времени — от того, что его недавно трогали чужие руки. На стекле компаса осталась едва заметная царапина — новая. Год назад её не было.

Внутри что-то оборвалось. Это уже не было про пустырь, не про 17 минут, не про слепые зоны. Это было про него. Про его дом. Про его вещи. Про то место, которое он считал своим убежищем.

Кто-то был здесь. Трогал его вещи. Знал, что этот брелок для него важен. И положил его обратно — не чтобы вернуть, а чтобы Игорь нашёл. Чтобы понял: его видят. Его изучают. С ним играют.

Пальцы дрогнули, когда он сжал брелок так сильно, что острые края впились в ладонь. Боль была хорошей — она возвращала его в реальность, где нельзя было прятаться за протоколами и отчётами. Здесь, в его собственной квартире, правила были другими. И эти правила устанавливал не он.

— Нет, — тихо прошептал Игорь, будто говорил не с собой, а с тем, кто мог слышать. — Ты не будешь играть со мной.

Он положил брелок на стол, сел напротив него, как будто это был не кусок металла с компасом, а свидетель, который должен был рассказать правду. И в этот момент он понял, что преступник не просто умнее. Он не просто знает, как обойти камеры и отключить питание. Он знает Игоря. Знает, что потеря этой мелочи когда-то его зацепила. Знает, где он живёт. Знает, куда смотрит, а куда — нет.

Это было хуже любой угрозы. Хуже записки на пустыре. Потому что там угроза была прямой. А здесь — интимная. Она касалась не его работы, не его репутации, не его карьеры. Она касалась его самого.

В коридоре скрипнула половица — старый дом издавал эти звуки каждый вечер, но сегодня Игорь вздрогнул. Ему показалось, что это не дерево устало от времени, а кто-то осторожно перешагнул через порог, чтобы посмотреть, как он реагирует.

Он резко встал, прошёл по квартире, проверил окна, замки, заглянул в тёмные углы, будто надеялся увидеть тень, которая выдаст себя движением. Но квартира была пуста. Только тишина продолжала смотреть на него — теперь уже не как на хозяина, а как на гостя в собственном доме.

Телефон снова завибрировал — ещё одно напоминание о сроках, о прогрессе, о том, что дело не ждёт. Игорь посмотрел на экран, но не стал читать. Сейчас ему было не до отчётов. Сейчас он должен был понять одну вещь: если кто-то смог проникнуть в его личное пространство, значит, он уже проиграл первый раунд. И следующий ход должен быть не по правилам системы, а по его собственным.

Он вернулся к столу, снова взял брелок, повертел его в пальцах. Компас внутри был неподвижен, стрелка застыла на юго-западе — там, где, казалось, не было ничего, кроме старых складов, заброшенных путей и пустых дворов. Игорь вдруг подумал: а что, если это не случайность? Что, если даже эта царапина, даже положение брелока — всё это подсказка? Не для того, чтобы напугать, а для того, чтобы направить.

«Ты не видишь», — вспомнилась ему записка с пустыря. Теперь она звучала не как констатация факта, а как издевательство. Преступник знал, где Игорь слеп. И использовал это.

Он достал блокнот, который всегда носил с собой, и записал: «Кто знал про брелок? Кто знал, что я его потерял? Кто мог попасть в квартиру?» Список был коротким и пугающим: коллеги, бывшие соседи, человек из управляющей компании, кто-то из тех, с кем он когда-то делился воспоминаниями. И каждый из них мог быть просто обычным знакомым — или кем-то, кто всё это время наблюдал.

В этот момент дверь в коридор тихо щёлкнула — сын вернулся с тренировки. Игорь услышал его шаги, голос жены, лёгкий смех, и на секунду весь этот ужас отступил, спрятался в углы, чтобы не пугать тех, кто не должен был его видеть.

— Пап, ты дома? — крикнул сын из коридора.

— Да, — ответил Игорь, и собственный голос прозвучал неожиданно спокойно. — Я здесь.

Он спрятал брелок в карман, туда, где его никто не увидит. И пообещал себе, что больше никто не будет использовать его слабости против него. Что бы ни стояло за этим вторжением — он найдёт того, кто посмел прийти в его дом.

Потому что теперь это была не просто работа. Это была защита того, что ему дорого.

Глава 6. Муж жертвы

Комната для бесед в отделении была устроена так, будто специально пыталась стереть эмоции: светлые стены, стол без лишних деталей, два одинаковых стула, между которыми лежало невидимое расстояние, которое никто не хотел сокращать. Игорь сел напротив мужа Марины — Алексея — и на секунду поймал себя на том, что старается не смотреть ему прямо в глаза. Не из подозрения, а из неловкости: будто прямой взгляд мог сорвать ту тонкую корку спокойствия, которой Алексей себя прикрывал.

Алексей говорил ровно, размеренно, подбирая слова так, словно боялся, что любое лишнее движение звука может разрушить его самого. Но Игорь видел, как подрагивают его пальцы, когда он ставит стакан с водой, как он сплывает перед каждой фразой, будто проталкивает её через что-то тяжёлое в горле. В глазах — паника, упрятанная за усталостью, как фонарь прячут под тряпкой, чтобы свет не выдал.

— Я вернулся поздно, — повторил Алексей, уже, наверное, в третий раз. — После смены. У меня график скользящий. В тот день я задержался — помогал напарнику с погрузкой. Потом зашёл в магазин, купил то, что она просила... хлеб, молоко. Дома её не было. Я позвонил, она не брала трубку. Потом... потом мне позвонили отсюда.

Он замолчал, и в этой тишине Игорь услышал то, чего Алексей не произносил: «Я должен был быть рядом. Я должен был её встретить. Я должен был не дать этому случиться».

— А эти сорок минут, — мягко, но настойчиво сказал Игорь. — Между магазином и домом. Их никто не подтверждает. Ни камеры, ни свидетели.

Алексей поднял на него глаза — и в них на секунду мелькнуло что-то похожее на отчаяние, смешанное с обидой.

— Я стоял на остановке, — тихо ответил он. — Ждал автобус, который не пришёл. Потом пошёл пешком. Там... там нет камер. Никто не видел.

Игорь кивнул, будто принимал это объяснение, хотя внутри всё сжималось. Сорок минут. Ни одного подтверждения. Для системы это не пробел — это дыра, в которую можно затолкать любую версию. И система обязательно это сделает.

Ему хотелось кричать: «Скажи правду, даже если она сломает тебя!» Хотелось схватить Алексея за плечи и встряхнуть, чтобы та паника, которую он прятал, наконец вырвалась наружу и стала чем-то настоящим, чем-то, с чем можно работать. Но он молчал. Потому что знал: правда здесь — не спасение. Правда здесь — ловушка. Если Алексей скажет хоть что-то, что не совпадёт с сухими данными, его тут же сделают подозреваемым. А если промолчит — его сделают виноватым по умолчанию.

— Вы любили её, — вдруг сказал Игорь, не как вопрос, а как утверждение.

Алексей вздрогнул, будто от неожиданного прикосновения. И в этот момент маска ровного голоса треснула.

— Да, — выдохнул он. — Очень. Она... она всегда знала, когда мне плохо. Даже если я молчал. Она просто подходила, обнимала и говорила: «Всё будет нормально». И я верил. До тех пор, пока... пока это не перестало быть правдой.

В его голосе не было злости, не было горечи — только огромная, непомерная усталость от того, что мир вдруг стал несправедливым. Игорь вдруг понял: Алексей до сих пор не верит в её смерть. Для него это не факт, не строчка в протоколе — это ошибка, которую ещё можно исправить, если только он будет говорить достаточно спокойно, достаточно правильно, достаточно убедительно.

— Расскажите про эти сорок минут ещё раз, — попросил Игорь, уже не как следователь, а почти как человек, который хочет помочь. — Всё, что помните. Даже мелочи. Запах, звук, кого видели.

Алексей закрыл глаза, будто пытался вытащить из темноты памяти хоть что-то, за что можно уцепиться.

— Там было тихо, — сказал он. — Слишком тихо. Как будто город специально выключил звук, чтобы никто не услышал, как я стою и жду. Мимо проехал мусоровоз. Я запомнил, потому что он был ярко-жёлтый. И ещё... там, у остановки, растёт старое дерево. На нём кто-то вырезал сердце. Я смотрел на это сердце и думал: «Она бы посмеялась. Она всегда смеялась над такими вещами».

Игорь записывал, стараясь не пропустить ни слова. Мусоровоз. Жёлтый цвет. Дерево с сердцем. Это были не доказательства — это были осколки реальности, которые Алексей пытался собрать, чтобы доказать, что он там был.

— Спасибо, — тихо сказал Игорь, когда Алексей закончил. — Это важно.

Тот посмотрел на него с какой-то детской надеждой, будто ждал, что сейчас Игорь скажет: «Всё в порядке, мы найдём того, кто это сделал, вас никто не тронет». Но Игорь не мог этого сказать. Он мог только пообещать себе, что не даст системе превратить эти сорок минут в приговор.

Когда Алексей ушёл, Игорь ещё долго сидел за пустым столом, слушая, как тикают часы на стене — ровно, безразлично, как будто время не имело никакого отношения к чужой боли. Он думал о том, как легко система создаёт подозреваемых: не из злодеев, а из обычных людей, у которых просто не нашлось подтверждения для сорока минут тишины.

Телефон снова завибрировал — очередное напоминание о сроках. Игорь не стал читать. Вместо этого он открыл папку с делом и написал на полях: «Жёлтый мусоровоз. Остановка у старого дерева. Сердце на коре». Не как улику. А как доказательство того, что Алексей там был. Что он не выдумывает. Что он просто оказался в слепой зоне — не той, где не работают камеры, а той, где никто не хочет слышать.

Потому что теперь Игорь понимал: город слеп не только там, где нет камер. Он слеп и там, где людям просто не верят.

Глава 7. Давление начальства

Кабинет начальника всегда казался Игорю слишком тёплым — будто здесь специально держали температуру чуть выше нормы, чтобы люди быстрее уставали и охотнее соглашались. И слишком тихим: даже гул города, который снаружи прорывался сквозь стены, внутри будто натёкался на невидимую преграду и затихал. Звуки здесь не жили — их глушили, как лишние голоса в чужом разговоре.

Полковник сидел за столом, не глядя на Игоря, и что-то неторопливо отмечал в папке — так, словно перед ним лежали не материалы жестокого убийства, а обычный отчёт о плановом ремонте. Он закончил, аккуратно выровнял края листов, поднял глаза. Взгляд у него был не злой, а усталый — как у человека, которому приходится раз за разом объяснять очевидное тем, кто почему-то никак не поймёт.

— Семьдесят два часа, Игорь, — сказал он спокойно, почти буднично. — Это не прихоть. Это требование сверху. Город должен видеть, что мы контролируем ситуацию.

Игорь сжал зубы, чтобы не сорваться на резкость.

— Это убийство не решается за 72 часа, — ответил он ровно. — Тут не ошибка в журнале и не пропавший груз. Тут человек. И система, которая ему помогла.

Полковник чуть наклонил голову — жест, который у него означал: «Я тебя услышал, но это ничего не меняет».

— Я знаю, что ты хочешь найти убийцу, — произнёс он. — Но система хочет порядка. И если мы не покажем результат, порядок станет не нашей заботой, а чужой проблемой. А чужие проблемы решаются быстро и жёстко.

Фраза повисла в тёплом, неподвижном воздухе. «Показать результат», а не «найти убийцу». Игорь мысленно повторил эти слова, и они обожгли его, как что-то постыдное — будто саму суть его работы подменили на витрину.

— У нас есть пробелы, — сказал Игорь, стараясь говорить без нажима. — Слепая зона. Чётко выверенное окно отключения. Личные намёки. Это не бытовая история. Это кто-то, кто знает город изнутри.

— Значит, ищи того, кто знает, — отрезал полковник. — Но ищи быстро. И давай мне не сомнения, а версии. Хоть одну рабочую версию, которую можно озвучить на совещании.

У Игоря внутри всё сжалось от бессилия. Ему предлагали сделку: отказаться от правды ради видимости работы. Дать хоть что-то, что можно произнести вслух, чтобы успокоить тех, кто сидит выше и смотрит на графики, а не на людей.

— А если версия будет ложной? — спросил он тихо. — Если мы зацепимся за первое, что попадётся, и сломаем чью-то жизнь?

Полковник на секунду прикрыл глаза — не от злости, а от усталости, которая копилась годами.

— Если ты будешь ждать идеальной версии, у тебя не останется времени на расследование, — ответил он. — Система не любит пустоты. Если мы не дадим ей ответ, она придумает его сама. И поверь, её ответ будет хуже любого твоего предположения.

Игорь почувствовал, как гнев поднимается изнутри, тяжёлый и горький, как пепел. Он не злился на полковника — тот просто был шестерёнкой, которая крутилась в нужном направлении. Злился он на саму систему: на её сроки, на её требования, на то, как она превращала поиск справедливости в гонку за цифрами.

Он кивнул — не потому что согласился, а потому что спорить дальше было бесполезно.

— Хорошо, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я дам версию. Но я не буду подгонять факты под срок.

Полковник снова склонился над папкой, давая понять, что разговор окончен.

— Главное, чтобы она была убедительной, — бросил он, не поднимая глаз.

Выйдя в коридор, Игорь остановился, прислонившись к стене. Здесь, за пределами тёплого, глухого кабинета, город снова ворвался в уши: шаги, голоса, скрип дверей, далёкий гул улицы. Но теперь этот шум казался не жизнью, а шумом механизма, который работал не для людей, а сам по себе, перемалывая всё, что не укладывалось в его графики.

Город сжимал его в тиски. Он требовал быстрого ответа там, где правда была медленной и тяжёлой, собираемой по осколкам. И если Игорь не соврёт, его раздавят. А если соврёт — он станет частью той самой системы, которая позволяла убийце прятаться в слепых зонах.

В кармане лежал брелок — холодный, маленький, с застывшей стрелкой компаса. Игорь нащупал его пальцами, сжал на секунду, будто искал в этом металле опору. Он вспомнил лицо Алексея — человека, у которого не нашлось подтверждения для сорока минут тишины. Вспомнил Марину, её фото с сыном. Вспомнил записку: «Ты не видел».

Преступник знал, как работает система. И, возможно, он даже рассчитывал на её давление: на эти 72 часа, на требование «показать результат», на то, что Игоря заставят спешить и ошибаться.

«Он ждёт, что я сорвусь», — вдруг понял Игорь. Ждёт, что он ухватится за удобную версию, за первого подозреваемого, за то, что лежит на поверхности. И тогда настоящий убийца останется в тени, довольный тем, как идеально всё сработало.

Он достал блокнот, открыл чистую страницу. Наверху вывел: «Версии». Под ней — пока пусто. Ни одной удобной строчки. Только тишина, в которой слышался голос полковника: «Дай результат».

Но Игорь не стал вписывать первое, что пришло в голову. Вместо этого он написал внизу страницы, мелким, почти неразборчивым почерком: «Правда не обязана укладываться в 72 часа». И подчёркнул дважды.

Пусть это не было версией для начальства. Пусть это нельзя было произнести на совещании. Но это было тем, что удерживало его на ногах. Тем, что не позволяло стать винтиком в механизме, который готов был пожертвовать справедливостью ради порядка.

Он убрал блокнот, выпрямился и пошёл по коридору — туда, где шум города не глушили, где можно было снова услышать себя. Ему предстояло искать не удобную версию, а настоящую. Даже если система не хотела её слышать.

Глава 8. Свидетель с железной дороги

Платформа у старой ветки пахла углём, ржавчиной и чем-то затхлым — будто время здесь не шло вперёд, а оседало слоями, как пыль на заброшенных рельсах. Игорь стоял рядом с невысоким пенсионером, которого нашли по обрывочному звонку в дежурную часть: «Я что-то видел... или мне показалось...» Теперь Игорь понимал — «показалось» было почти страшнее, чем «видел».

Зовали свидетеля Виктор Петрович. Он кутался в старую куртку, застёгивал и расстёгивал одну и ту же пуговицу, будто это был какой-то ритуал, помогающий держаться. Руки у него дрожали — не от холода, а от напряжения, от попытки удержать в голове хоть что-то, что не рассыпалось бы при первом же вопросе. Игорь заметил это сразу и постарался говорить тише, медленнее, чтобы не сбить его, как сбивают хрупкий снежный нарост неловким шагом.

— Расскажите ещё раз, — мягко попросил Игорь, не доставая блокнот. Он знал: для таких людей блокнот — как дуло. — Только то, что помните. Не надо подгонять под ответы.

Виктор Петрович кивнул, но взгляд у него был не на Игоря, а куда-то мимо — туда, где прошлое ещё стояло на своих местах.

— Я тут хожу каждый день, — сказал он, голос звучал неуверенно, будто он сам сомневался в собственных словах. — По привычке. Раньше тут электрички ходили, люди спешили, билеты проверяли... А теперь — тишина. Только ветер по шпалам гуляет.

Он помолчал, сжал пальцами край куртки, потом вдруг выпалил, будто боялся забыть:

— В тот день... или не в тот... я не уверен. Время теперь как вода сквозь пальцы. Утром было светло, а потом вдруг потемнело — и я подумал: «Опять дождь». А дождя не было. Просто тень легла.

Игорь не перебивал. Он уже понял: время для Виктора Петровича стало ненадёжным. Не потому что он хотел соврать, а потому что дни слиплись в один длинный, серый комок, где утро путалось с вечером, а вчера — с позавчера. И эта путаница была страшнее любой лжи: если нельзя доверять даже собственному ощущению времени, на что вообще можно опереться?

— Вы видели кого-то у путей? — спросил Игорь осторожно.

— Да... или нет, — Виктор Петрович нахмурился, будто пытался поймать ускользающую мысль. — Там стоял человек. Или не стоял. Я помню тень. Длинную, как будто кто-то специально её растягивал. А потом она пропала. И стало тихо. Слишком тихо, даже для этого места.

Он поднял глаза на Игоря — в них читался не страх перед полицией, а страх перед собой: перед тем, что он не может собрать свои воспоминания в ровную линию, перед тем, что его слова могут кому-то навредить — или, хуже того, оказаться бесполезными.

— Простите, — тихо сказал он. — Я стараюсь вспомнить точно, а выходит... каша.

И тут Игоря накрыло одновременно и раздражением, и острым, почти болезненным состраданием. Ему хотелось встряхнуть эту память, заставить её выдать хоть одну чёткую деталь. А ещё хотелось обнять старика и сказать: «Ничего, вы не виноваты, что время вас подвело». Вместо этого он просто кивнул.

— Вы не виноваты, — сказал Игорь, и это прозвучало как обещание. — Память — вещь хрупкая. Особенно когда вокруг столько тишины.

Виктор Петрович чуть расслабил плечи — будто от этих слов ему стало легче дышать.

— Там ещё контейнер был, — вдруг вспомнил он, голос стал чуть увереннее. — Ржавый, с облупившейся краской. Я на него оперся, потому что нога ныла. И вот тогда... тогда я и увидел эту тень. Или услышал. Не знаю. Какой-то звук, будто металл о металл. Как будто кто-то что-то задвигал.

Игорь достал блокнот, но теперь уже не для того, чтобы давить, а чтобы удерживать эти обрывки. «Ржавый контейнер. Звук металла. Тень без человека». Это были не факты, а осколки, но они могли сложиться во что-то целое — если не торопить.

— А время? — снова спросил Игорь, уже зная, что точного ответа не будет. — Вы можете сказать, сколько было часов?

Виктор Петрович закрыл глаза, будто пытался увидеть циферблат в темноте.

— Шесть... или семь, — прошептал он. — Или пять. Я тогда ещё подумал: «Странно, так рано, а уже темно». Но теперь я не знаю. Может, мне это приснилось.

В этот момент Игорь почувствовал, как город снова сжимает его в тиски — не криком начальства, не сроками, а этой беспомощной, честной путаницей. Если даже очевидец не может назвать время, если даже собственная память становится врагом, как вообще можно собрать картину преступления? Как доказать, что кто-то выключил камеры ровно на 17 минут, если для другого человека эти минуты могли растянуться на час или сжаться в мгновение?

Город не просто скрывал — он смешал ориентиры. Делал так, чтобы никто не мог собрать картину целиком.

— Спасибо, — сказал Игорь, убирая блокнот. — Вы рассказали всё, что смогли. Это важно.

Виктор Петрович посмотрел на него с робкой надеждой, будто ждал, что сейчас ему скажут: «Да, мы всё поняли, мы найдём», — но Игорь не мог этого пообещать. Он мог только дать другое обещание — тихое, без слов: он не будет торопить, не будет подгонять, не будет делать из этой путаницы доказательство вины.

Когда старик ушёл, медленно, опираясь на палку, Игорь ещё долго стоял на платформе, слушая, как ветер гуляет по старым рельсам. Время здесь будто застыло, превратившись в нечто вязкое, тягучее, не поддающееся измерению. И в этой неподвижности Игорь вдруг увидел ещё одну слепую зону — не там, где не работали камеры, а там, где отказывалась работать сама память.

Он достал свой брелок, покрутил его в пальцах. Стрелка компаса по-прежнему застыла на юго-западе. «Ты не видел», — вспомнилась ему записка. Теперь она звучала иначе. Не как обвинение, а как описание состояния целого города: никто ничего не видел, потому что никто не мог удержать время на месте.

Телефон в кармане завибрировал — очередное напоминание о 72 часах. Игорь не стал смотреть. Вместо этого он записал в блокнот ещё одну строчку, не для начальства, а для себя: «Время здесь ненадёжно. Ищем не совпадения часов, а совпадения теней».

Потому что если время нельзя доверять, придётся искать другие ориентиры. Те, что остаются, даже когда часы сбиваются.

Глава 9. Архив мелких инцидентов

В отделе было шумно — привычный гул, в котором смешивались голоса, стук клавиатур и редкие резкие звонки телефонов. Но Игорь почти не слышал этого шума. Он стоял у края стола, где стажёр торопливо выкладывал листы, будто боялся, что бумаги сами собой рассыплются, если он будет делать это медленно.

Стажёр был новенький — из тех, кто ещё верит, что в расследовании главное — это цифры и списки, а не то, как эти цифры смотрят на тебя из темноты. Он протянул Игорю распечатку, слегка дрожащими пальцами подровнял край.

— Я пробил все мелкие инциденты за последние три месяца в радиусе пяти километров от места убийства, — выпалил он, стараясь говорить уверенно. — Аварии, пропажи, сбои светофоров, ложные срабатывания сигнализации... Всё, что считалось ерундой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.